

ЧЕЛОВЕК И ЕГО ТЕЛО

В. Е. ДОБРОВОЛЬСКАЯ
(Москва)

ЗАПРЕТЫ И ПРЕДПИСАНИЯ, СВЯЗАННЫЕ С ОБНАЖЕНИЕМ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ТЕЛА (на материале Владимирской и Ярославской областей)

Аннотация. На многочисленных примерах статья показывает, что полное обнажение тела вне ритуального контекста с точки зрения традиционной культуры грозит бедой индивиду и его коллективу, особенно если обнажающийся находится в некоем «переходном» состоянии (новобранец, вдова, сговоренка) или ситуации (сон, война). Нагота имела мифологически мотивированную негативную семантику; ее сексуальная привлекательность, признававшаяся как факт, не артикулировалась специально в культуре и ее предписаниях.

Ключевые слова: коды традиционной культуры, запреты, предписания, обнажение, тело, ритуальное поведение.

Интерес к человеческому телу как концепту культурной антропологии в настоящее время необычайно велик. Данная тема активно изучается специалистами самых разных дисциплин (этнологами, культурологами, литературоведами, лингвистами, фольклористами). Это дает возможность рассмотреть «воплощение тела» сквозь призму истории культуры, словесности, семиотики. Действительно, анализ телесного кода создает возможность концептуализации всего, что окружает человека.

В последние двадцать лет многие исследователи стали обращаться к данной теме. Связано это, скорее всего с выхо-

дом в свет коллективной работы «Секс и эротика в русской традиционной культуре» [Секс 1996]. Большинство статей этой книги в той или иной степени затрагивали такую тему, как «жизнь тела», прежде всего женского [Агапкина 1996; Толстая 1996]. Постепенно интерес к женскому тексту культуры, основным предметом внимания для которого являются тело и телесность, привлекают внимание все большего числа исследователей. Достаточно назвать работы Н. Л. Пушкаревой, С. Б. Адоньевой, Т. Б. Щепанской, Г. И. Кабаковой [Пушкарева 1996; Адоньева 1998; Адоньева, Бажкова 1998; Щепанская 1996; Кабакова 2001].

Исследование данной темы ведется в разных направлениях. Прежде всего, это изучение тела как семиотической системы. В этом направлении работают Г. Е. Крейдлин [Крейдлин 2005], А. К. Байбурин [Байбурин 2005], И. В. Утехин [Утехин 2005], О. В. Величкина [Величкина 2005], Ф. Конт [Конт 2005], Н. Л. Пушкарева [Пушкарева 2005], И. А. Морозов [Морозов 2008]. Представители другого направления, например Т. В. Цивьян [Цивьян 2005] и С. Ю. Неклюдов [Неклюдов 2005], рассматривают реализацию концепта тела в литературе и искусстве. Наконец, еще одна группа работ представляет собой исследование тела в традиционной культуре [Толстая 2005; Топорков 2005; Белова 2005].

Человеческое тело как объект культурного изучения привлекает внимание этнографов¹. Постоянный интерес к «культурному телу» или личностному бытию телесности проявляют культурологи и философы [Быховская 1993; Рейзвих 2002]. Прошедшая в 2002 г. в

¹ Необходимо отметить, что объектом изучения этнографов и фольклористов чаще становится женское тело.

Париже Международная конференция «Тело в русской и иных культурах», организованная Университетом Париж-Сорбонна (Париж-IV), показала, что изучение телесного кода в широком филологическом и культурологическом аспектах привлекает внимание исследователей самых разных научных дисциплин.

Однако, помимо вопросов, связанных с этиологией и символикой тела, в стороне остается проблема, связанная с опасностью, которую представляет тело для его владельца и для социума в целом, в случае, когда нарушаются определенные «правила обращения» с ним. В основном подобного рода прескрипции регулируют способы и условия обнажения тех или иных участков тела.

Трудно не согласиться с тем, что «ритуальные ситуации, при которых человек раздевался донага либо до нижнего белья, в культуре славянских народов чрезвычайно многообразны и с трудом поддаются сколько-нибудь полной инвентаризации. Полное или частичное обнажение практиковалось в сельскохозяйственной магии, в народной медицине, в колдовской практике и эзотерических ритуалах, в календарных и occasionalных обрядах, в играх, имеющих оргиастический характер» [Агапкина, Топорков 2001, 11]. Безусловно, это так. Например, в широко распространенном на Русском Севере и в Центральной России девичьем гадании на суженого в бане или овине девушки должны были частично обнажиться для того, чтобы «иномирный персонаж» мог предсказать им будущее, дотронувшись до обнаженного участка тела мохнатой или, напротив, гладкой рукой: «Ну, значит вот приходят к овину, вот над ямой подол подымут и вот: “Шани-мани меня мохнатой ручищей по голой жопнице”; и вот значит смотрят. Какой, значит, рукой по голой заднице хлопнут. Если мохнатой — муж богатый будет, голый — бедный» (Абрамушкина Е. А., 1928 г. р., с. Шубино, Гороховецкий р-н Владимирской обл.)². При защите от эпидемии или эпизоотии могло происходить полное обнажение. Так, в Чистый четверг до рассвета полностью обнаженная женщина должна была

обойти двор и разложить везде полынь, чтобы в течение года в доме не появлялась нечистая сила: «Вот бабка моя так делала, мы уж нет, она да. По-старинному. Вот в Чистый четверг пройдет по дому всему, по двору, голая, без всего. Вот пройдет и везде разложит веточки полынные, сухие (свежих еще нет же). Они пахнут так. Вот ходили специально, чтобы весь год нечистый не ходил. Он полынный запах не любит» (Борисова М. К., 1908 г. р., с. Картмазово Судогодский р-н Владимирской обл.).

В ряде случаев нагота была реальной, однако значительно чаще ее понимали символически. И тогда нагим признавался человек в нижнем белье или без каких-либо деталей привычной одежды. Так, например, пастух считал женщину нагой, если она выгоняла корову без платка или в нижней рубашке: «У нас вот как один ден было. Проспала. Проспала и корову гнать в стадо. Вскочила и как была в рубашке и выскочила. Ой, как пастух кнутом огрел. “Гола, — говорит, — выскочила. Срам, гола баба корову гонит”. В рубашке и без платка — все одно что гола» (Жильцова Е. А., 1927 г. р., п. Волосатое, Селивановский р-н Владимирской обл.). Обнаженным осознавался даже человек без пояса: «У нас вот уж после войны пояса-то редко кто носил. Старики все боле. И вот сватать пришли. Вроде одеты нормально. А папа отказал. И парень ему нравился. “Почто отказал?” — “Голой свататься пришел”. — “Ну, ты чего, какой голой. Одетой”. — “Не голой, без пояса”. Не опоясанный, значит, пришел сватать, вроде как не сватать, а в баню мыться, в баню ведь так идут. Уж хоть чем нужно подвязаться» (Поволокина В. П., 1923 г. р., с. Ям, Переславль-Залесский р-н Ярославской обл.).

Сняв одежду, человек теряет свою связь с миром, социальным или культурным, и вступает в контакт с иным миром. Таким образом, обнажение способствует установлению контактов с демонологическими существами, поэтому оно рекомендуемо и желательно только в рамках магических практик в самом широком понимании этого слова.

Однако, в повседневном быту вне ритуального контекста возникали случаи, когда человек по собственной воле или по воле случая оказывался обнаженным.

² Здесь и далее материалы из архива Государственного республиканского центра русского фольклора.

Нежелательные последствия подобного происшествия крайне опасны как для самого человека, так и для социума в целом. Именно поэтому в рамках традиционной культуры был выработан целый ряд «обходных маневров» [Байбурин 2001, 4], позволяющих избежать последствий нарушения предписаний, связанных с обнажением тела.

Ситуаций с нежелательным обнажением в повседневной жизни могло быть две: полное обнажение или частичное. В данной статье будут рассмотрены только ситуации, когда произошло полное обнажение.

В обыденной жизни полное обнажение встречается крайне редко. Действительно, довольно трудно представить ситуацию, при которой вне ритуальных или магических действий человек, принадлежащий к сфере традиционной культуры, окажется голым. Таких ситуаций тоже две: обнажение во время сна и обнажение во время купания.

Повсеместно у русских был распространен запрет спать голыми: «У, голыми спать ни-ни. Нельзя голыми-то спать. Ругали за это. Как это. Рубашонкой какой-нето прикройся» (Алексеева М. И., 1920 г. р., с. Непейцыно, Судогодский р-н Владимирской обл.). Мотивировок у данного запрета несколько. Самая распространенная связана с тем, что голый человек привлекает к себе нечистую силу: «У нас строго было. Голыми спать не давали. Пряма, хоть какая жара — прикройся. Нельзя голыми спать — нечистый дух к тебе подвалит. Будет к тебе ходить» (Гасова А. Н., 1918 г. р., д. Копнино, Селивановский р-н Владимирской обл.). Действия нечистого в этой ситуации практически аналогичны действиям огненного змея, летающего к безутешным родственникам умершего: «Не, голыми не ложатся спать. Нельзя. Он будет ходить. Подарки носить, а утром помотришь — овечьи говны. Пряма явится как человек, а это он, нечистый дух. И вот он будет ходить, а ты вот чахнуть начнешь» (Коренева А. Ф., 1934 г. р., п. Берендеево, Переславль-Залесский р-н). Ср.: «Вот если по покойнику тосковать больно, то нечистый ходит, как будто кажется тот, кто умер, ну человек этот вроде ходит к тебе, как живой. Он подарки носит, а утром смотришь — овечьи какашки. К кому ходит, тот тоскует и сохнет, и вовсе помереть может» (Ку-

кушкина А. И., 1928 г. р., г. Пошехонье, Пошехонский р-н Ярославской обл.). Полагают так же, что того, кто спит голым, будет душить домовой: «Голым спать боялися. Мама все говорила — домовой душить будет. Кто, значит, голым спит, того, значит, домовой душит. Опасалися» (Фролова В. А., 1928 г. р., п. Красная Горбатка, Селивановский р-н Владимирской обл.).

Однако иногда запрет на полное обнажение во время сна мог быть нарушен, и тогда традиция предписывала обезопасить себя от происков нечистой силы. Прежде всего, человека мог защитить пояс и платок: «У нас бывает очень жарко летом, душно. Все липнет. Хочется все снять, а ведь вот раньше-то говорили, что спать голыми нельзя. Рубашонку какую легоньку, а одень. А ведь мокрая вся. И вот снимали рубашки-то. Но вот нужно пояс ли, платок завязать на себе, на поясе. Если завязано, то не страшно. Никто не потревожит. А так — домовой душить будет» (Серова В. А., 1941 г. р., д. Курково, Селивановский р-н Владимирской обл.). Иногда говорится о том, что в роли оберега может выступать любой предмет одежды: «Мы бедно жили, одна рубашонка была. Вот утром постираешь, а уж потом оденешь. И вот солнце было, я постирала и повесила, а тут дождь уж к концу дня и она мокрая. Не ляжешь ведь в ей. А голой-то спать нельзя — нечистый в гости придет. И вот мне мама говорит: “Одень хоть что”. И я вот чулки одела. Так всю ночь в них и проболталась. Надо хоть что одеть, а голой не спать» (Тузова М. И., 1915 г. р., г. Пошехонье, Пошехонский р-н Ярославской обл.).

Еще одна мотивировка для рассматриваемого запрета связана с тем, что в традиционной культуре наличие у человека или предмета такого признака, как «голый», всегда трактуется негативно [Агапкина, Валенцова 1995]. Полагали, что тот, кто спит голым, будет бедным и потеряет все что имеет: «Вот голыми никогда не спят. Кто спит голым — у того денег не будет» (Волганова А. Б., 1919 г. р., с. Фоминки, Гороховецкий р-н Владимирской области). Особенно оберегали детей, полагая, что небрежение этим запретом родителей может повлиять на будущую жизнь ребенка: «Вот за детьми следили. А как же. Родители следили. Как будут вести ребенка,

так у его и жизнь сложится. Если ребенок голым спит, то родители виноваты. Ребенок голым спать не должен — он бедным будет, нищим будет. Кто голым спит — тот побираться будет» (Логина А. И., 1921 г. р., с. Драчёво, Селивановский р-н Владимирской обл.).

Еще одна мотивировка данного запрета связана с девушками и теми группами женщин, которые наделяются в традиционной культуре признаком сексуальной чистоты, прежде всего это молодые вдовы и солдатки. Всем им запрещалось спать голыми из опасения родить внебрачного ребенка, причиной появления которого может быть ветер, подувший на нарушившую запрет спящую, или лунный свет, осветивший обнаженное тело: *«Вот девка голой спать не должна. Если она голяком, а на нее луна посветит — все, у ней ребенок будет. Без мужика родит, не знам от кого в подоле принесет. Потому и не спали голяком-то, опасались»* (Рогожина Н. С., 1936 г. р., д. Чулково, Гороховецкий р-н) или *«Вдовая все одно себя блюсти должна. Тут уж старались без рубашки не спать. А то вот будешь спать, а ветер надует. Все говорили, голая спишь — ветром ребенка надует. Родишь без мужа — позор, вдова родила»* (Егунова К. В., 1926 г. р., с. Большая Брембола, Переславль-Залесский р-н Ярославской обл.).

Считалось также, что нельзя спать голыми и новобранцам, поскольку это предвещало им смерть: *«Вот тем, кто в солдаты идет — нельзя так спать. Говорят — убьет их»* (Соколова Л. Ф., 1918 г. р., с. Владычное, Пошехонский р-н Ярославской обл.). Заметим, что в некоторых регионах существует запрет на сон для новобранцев вообще, и, как противопоставление ему, обязательность сна для вернувшихся со службы. Считается, что при нарушении данных предписаний человека ожидает смерть: *«Новобранцу спать нельзя, перед тем как из дома уйдет, поэтому они гуляли всю ночь, а на утро уходили, чтоб не спать. Говорят, если новобранец заснет, то уж не вернется — убьют его»* (Буйлова В. Н., 1940 г. р., г. Гороховец, Гороховецкий р-н Владимирской обл.); *«Когда из армии возвращались, тут уж поспать первым делом нужно, хоть часок в родном доме. Говорят, если после возврата не соснуть, то уж обязательно случится что, помрет человек или какая беда будет»*

(Ермолаев С. М., 1921 г. р., с. Красное, Переславль-Залесский р-н Ярославской обл.). Таким образом, происходит усиление запрета — новобранцу нельзя спать голым и нельзя спать вообще. И в том и в другом случае его ждет смерть.

Можно предположить, что все запреты на сон обнаженным связаны с двумя представлениями: во-первых, сон сам по себе является опасным состоянием, близким к смерти, во-вторых, нагота является негативным качеством, и пребывание неодетым грозит человеку неприятностями. Таким образом, человек, усиливая опасность ситуации, увеличивает и вероятность негативного исхода, которую в большинстве случаев нельзя ликвидировать.

Несколько иная ситуация с обнажением во время купания. Так, некоторым группам людей можно купаться голыми, а некоторым нельзя. Неодетыми могут купаться дети и старики. На мужчин запрет на купание обнаженными в основном не распространяется: они могут купаться как одетыми, так и раздетыми. Исключение составляют два случая. Нельзя купаться голыми рекрутам и всем мужчинам призывного возраста в случае войны. При нарушении этого запрета возможна преждевременная смерть: *«Вот у нас случай такой был. Я после этого верю в это-то. Вот, говорят, мужики голыми могут купаться. Так да не так. Вот война была и вот мужики пошли в военкомат наверное, а может на станцию их повезли. В общем, они из дома ушли, а вот жара и остановились у речки, ну тут. И вот купаться полезли. И вот те — которы в кальсонах, ну в подштанниках, или там в трусах таких широких, не таких как сейчас, а тогда широкие были почти до колен — те вот хоть изранены, а с войны домой пришли, а вот кто одежду пожалел, кто гольшом лез — тех всех война прибрала. Потом уж сказали, что при войне мужики-то не заголяются. Она их прибирает к себе»* (Белозерова М. П., 1915 г. р., г. Пошехонье, Пошехонский р-н Ярославской обл.). В данном тексте в полной мере реализуется архетип войны-разлучницы, некоего демонологического персонажа, которого привлекает обнаженное тело. Сняв одежду, мужчина теряет защиту. А поскольку нагота способствует установлению контактов с иным миром, делая

человека как бы «не совсем человеком», то запрет на обнажение во время войны можно рассматривать как способ предотвращения перехода мужчины из мира живых в мир мертвых. Вероятно, с этим же стереотипом связано представление о необходимости перед боем надевать чистую одежду (чаще — чистое белье), поскольку ношенная одежда рассматривается как часть самого человека и в ней он не защищен от иномирных существ, в то время как новая одежда, хотя и указывает на то, что человек находится в некой переходной ситуации³, не дает существам «инога мира» забрать его к себе.

Женщины никогда не должны купаться обнаженными. Мотивировки этого запрета могут быть различными, в зависимости от принадлежности женщины к той или иной социально-возрастной группе. Наиболее опасно купаться обнаженными девушкам, которые считаются невестами, то есть таким, к которым можно засылать сватов⁴. Обнажение опасно как для них самих, так и для общины в целом. Полагают, что если такая девушка будет купаться голой, «у ей платно прекратится навсегда» (Бровентьева В. С., 1935 г. р., д. Копнино, Селивановский р-н Владимирской обл.), «у нее дитёв не будет» (Егунова А. С., 1918 г. р., д. Куприяново, Гороховецкий р-н Владимирской обл.), «ее никто не сосватает» (Первушина К. П., 1934 г. р., с. Ям, Переславль-Залесский р-н). Неприятности ожидаются и для всего деревенского социума. Там, где в течение дня пройдет такая купальница, «посевы градом побьет» (Безбородова М. Ф., 1930 г. р., д. Бережки, Судогодский р-н Владимирской обл.), «все сгниет, что выросло в огороде» (Гаврилова М. П., 1928 г. р., г. Пошехонье, Пошехонский р-н Ярославской обл.), «сено ветром разметает» (Маркова Н. А., 1933 г. р., д. Шипилово, Судогодский р-н Владимирской

³ К этой же группе относятся крестильные рубахи (когда из «не совсем человека» ребенок становится человеком); обновки на праздники (когда человек не может стать жертвой демонов: «Кто обновку к празднику не справит, того леший водить будет» (Гарина Л. И., 1941 г. р., д. Непейчино, Судогодский р-н Владимирской обл.) и т. п.

⁴ Подробнее о том, в каком возрасте в Центральной России девушка становится невестой, см. [Добровольская 2009].

обл.). В некоторых случаях говорится о том, что купавшаяся нагой девушка может принести в дом болезни и даже смерть: «Вот если девка без одежды какой купается, а после домой придет, то вот тот дом, в который она первой войдет, с покойником будет. В этом доме болеть будут и помрет кто-то» (Пикина Г. М., 1925 г. р., п. Красная Горбатка, Селивановский р-н Владимирской обл.).

Еще опаснее для окружающих сговоренка, то есть уже сосватанная девушка. В основном ей предписывается сидеть дома и не появляться на людях: «Сговоренная, она тихонько дома сидит, платочком прикрытая, если выйдет куда — все. У нее глаз дурной, она не хочет, а глазит. Они поэтому дома и сидели» (Самоилова Е. И., 1925 г. р., д. Переложниково Селивановский р-н Владимирской обл.). Однако если по какой-то причине она приходит на реку и купается без одежды, то в деревне ждут пожара и падежа: «Вот сговоренки, они никуда не ходят, а тут одна пошла, не уследили за ей. Купалась на речке, а из дома-то убежала, так купальник не взяла, голышом купалась. А потом прошла домой, а чтоб никто не видел, прошла задами. Так вот пожар был — дома ничего, а все сараи, бани, все, что на задах, выгорело. Вот где прошла, все выгорело. Потому как сговоренка должна дома сидеть, а уж голышом девке купаться последнее дело — вся деревня могла выгореть» (Белозерова М. П., 1915 г. р., г. Пошехонье, Пошехонский р-н Ярославской обл.) или «Если девушку сговорили, она из дома не ходит. Одна вот пошла. На речке ей купаться надо. Девка голой купается, а потом вся деревня плачет. А тут сговоренка. Так у нас какой тогда ящур был — никакой скотины в деревне не осталось. Сговоренка голяком купалась» (Волганова А. Б., 1919 г. р., с. Фоминки, Гороховецкий р-н Владимирской обл.).

Купающаяся голой вдова или солдатка будет заподозрена деревенским социумом в уводе молока или хлеба: «Она молоко уводит. (С.: Вы это сами видели?) Не, я не видела, но вот она голой купается. А если вдова голой купается — молоко она уводит у коровы. Это все знают. А я знаю, что она голой купается, видела. Значит она уводит — больше некому» (Борисова М. К., 1908 г. р., с. Картмазово, Судогодский р-н Владимирской обл.).

Наименьшую опасность в этом отношении представляют замужние женщины. Купание обнаженными представляет угрозу только для их семей. Прежде всего, можно навредить своему ребенку, как родившемуся, так и будущему. Ребенок после купания матери может начать болеть, заикаться, страдать тиком, его будут мучить чирьи и так далее. Приведем наиболее гиперболизированный пример несчастий, которые могут настичь ребенка после купания матери обнаженной: *«Вот у нас одна пошла купаться. Почему ничего не взяла — не знаю, забыла в делах-то. Ну, пришла к пруду, что ж, полезла голяком. А у ей ребенок был, красивый такой мальчонка. Ну, она искупалась, пришла домой, а ребенок у ей на глазах весь чирьями покрывся, из носа сопель полил, изо рта слюни пошли, прям пузырями. Весь красный. Распух. Орет. Голова дергается. Бабку привели — она глянула: “А, — говорит, — голяком купалась, о чем думала?” Она парня сорок зорь отчитывала, на силу спасли. Матери голяком купаться нельзя»* (Маркова Н. А., 1933 г. р., д. Шипилово, Судогодский р-н Владимирской обл.).

Подобное поведение женщины опасно и для ее мужа. После ее купания он может начать пить, заболеть или уйдет из семьи: *«Бабе голой купаться нельзя — мужик от ее уйдет»* (Гасова А. Н., 1918 г. р., д. Копнино, Селивановский р-н Владимирской обл.). Он может умереть без причастия или не дома: *«Вот Зинка охоча была голой купаться. Ей все говорили — не к добру. И вот у ей муж, она его любила, и жили хорошо, помер, да не дома. Она ему даже глаза не закрыла. Говорили, потому что голой купалась»* (Первушина К. П., 1934 г. р., с. Ям, Переславль-Залесский р-н Ярославской обл.).

Но особенно опасна женщина, купающаяся голой, для родственников мужа, прежде всего для свекра. Ее поведение может привести не только к болезни, но и к тяжелой и мучительной смерти: *«Вот, говорят, колдуны тяжело умирают. Это так. Но, вот когда сноха голой купается, свекор, непременно, три заката умирать будет. Ну, три ночи маяться будет. Сноха и о нем ведь думать должна, если мужа любит»* (Рогожина Н. С., 1936 г. р., д. Чулково, Гороховецкий р-н Владимирской обл.).

* * *

Как видно из приведенных примеров, полное обнажение тела вне ритуального контекста рассматривается традицией как определенная угроза индивиду и социуму. Запрещено обнажать тело людям, находящимся в неких переходных состояниях (новобранцы, вдовы, сговоренки) и ситуациях (сон, война). Нагота, имеющая в традиционной культуре негативную семантику сама по себе, будучи осложненной другим элементом традиции с негативным или окказиональным значением, становится крайне опасной для человека. Именно поэтому прескрипции призваны были информировать людей о возможных негативных последствиях обнажения. Характерно, что для русской традиционной культуры, в отличие от классических форм искусства, не существует культа обнаженного тела. Разумеется, в соответствующих обстоятельствах оно рассматривалось как красивое и сексуально привлекательное, однако это отношение не имело выраженной артикуляции в русской традиционной культуре, оставаясь заключенным в рамки обычного человеческого поведения и эмоционального мира как такового — того, что всем известно, но что не подлежит публичной/коллективной актуализации, оставаясь делом сугубо интимным. Поскольку русская традиционная культура носит ярко выраженный общинный, коллективный характер, то и феномены, не подлежавшие коллективному «оглашению», не получали отражения в оформленных культурологемах вообще. В их рамках нагота рассматривалась почти исключительно в ее ритуально-мифологическом аспекте, а здесь на первый план выходит связь наготы с уязвимостью, что и придавало ей ту негативную социокультурную семантику, о которой говорилось выше. Нагота опасна; она наносит ущерб хозяйству, здоровью людей и животных, она несет смерть. Именно поэтому в традиционной культуре такое значение придавалось одежде, способной скрыть наготу и защитить человека от невольного обнажения тела.

Литература

Агапкина 1996 — Агапкина Т. А. Славянские обряды и верования, касающиеся менструации // Секс и эротика в русской

традиционной культуре. М., 1996. С. 103—150.

Агапкина, Валенцова 1995 — *Агапкина Т. А., Валенцова М. М.* Голый // Славянские древности. Этнолингвистический словарь. Т. 1. М., 1995. С. 517—518.

Агапкина, Топорков 2001 — *Агапкина Т. А., Топорков А. Л.* Ритуальное обнажение в народной культуре славян // Мифология и повседневность: Гендерный подход в антропологических дисциплинах. СПб., 2001. С. 11—25.

Адоньева 1998 — *Адоньева С. Б.* О ритуальной функции женщины в русской традиции // Живая старина. 1998. № 1. С. 26—28.

Адоньева, Бажкова 1998 — *Адоньева С. Б., Бажкова Е. В.* Функциональные различия в поведении и роли женщины на разных этапах ее жизни // Белозерье: Краеведческий альманах. Вологда. Вып. 2. С. 204—212.

Байбурин 2001 — *Байбурин А. К.* «Нелзя... но если очень нужно...» (к интерпретации способов нарушения правил и запретов) // Труды факультета этнологии. Вып. 1. СПб., 2001. С. 4—11.

Байбурин 2005 — *Байбурин А. К.* Заметки к теме «Слово и тело» // Тело в русской культуре. М., 2005. С. 102—111.

Быховская 1993 — *Быховская И. Н.* «Быть телом» — «иметь тело» — «творить тело»: три уровня бытия «Номо somatis» и проблемы физической культуры // Теория и практика физической культуры. 1993. № 7. С. 2—5.

Белова 2005 — *Белова О. В.* Тело «иностранца» // Тело в русской культуре. М., 2005. С. 147—160.

Величина 2005 — *Величина О. В.* Музыкальный инструмент и человеческое тело (на материале русского фольклора) // Тело в русской культуре. М., 2005. С. 161—176.

Добровольская 2009 — *Добровольская В. Е.* Платное, бабы дела, ходить в молодье: использование терминов в традиционной культуре Центральной России (на примере Владимирской области) // Этнолингвистика. Ономастика. Этимология. Материалы междунар. науч. конф. Екатеринбург, 2009. С. 83—88.

Кабакова 2001 — *Кабакова Г. И.* Антропология женского тела в славянской традиции. М., 2001.

Конт 2005 — *Конт Ф.* «Кончавше правило, паки начах молитися Христу и Богородице со слезами» (Слезы в русской духовной культуре) // Тело в русской культуре. М., 2005. С. 112—118.

Крейдлин 2005 — *Крейдлин Г. Е.* Язык тела и кинесика как раздел невербальной семиотики (методология, теоретические идеи и некоторые результаты) // Тело в русской культуре. М., 2005. С. 19—37.

Морозов 2008 — *Морозов И. А., Бутовская М. Л., Махов А. Е.* Обнажение языка

(кросс-культурное исследование семантики древнего жеста). М., 2008.

Неклюдов 2005 — *Неклюдов С. Ю.* Тело Москвы. К вопросу об образе «женщины-города» в русской литературе // Тело в русской культуре. М., 2005. С. 361—397.

Пушкарева 1996 — *Пушкарева Н. Л.* Сексуальная этика в частной жизни древних руссов и москвитов (X—XVII вв.) // Секс и эротика в русской традиционной культуре. М., 1996. С. 44—91.

Пушкарева 2005 — *Пушкарева Н. Л.* «Мед и млеко под языком у нее» (Женские и мужские уста в церковном и светском дискурсах России X — начала XIX в.) // Тело в русской культуре. М., 2005. С. 78—101.

Рейзвих 2002 — *Рейзвих Д. А.* Тело в традиционной культуре // Культурология традиционных сообществ: Материалы Всероссийск. науч. конф. молодых ученых. Омск, 2002. С. 15—20.

Секс 1996 — Секс и эротика в русской традиционной культуре. М., 1996.

Толстая 1996 — *Толстая С. М.* Символика девственности в полесском свадебном обряде // Секс и эротика в русской традиционной культуре. М., 1996. С. 192—206.

Толстая 2005 — *Толстая С. М.* Тело как обитель души: славянские народные представления // Тело в русской культуре. М., 2005. С. 51—66.

Топорков 2005 — *Топорков А. Л.* Символика тела в русских заговорах XVII—XVIII вв. // Тело в русской культуре. М., 2005. С. 131—146.

Утехин 2005 — *Утехин И. В.* К семиотике кожи в восточнославянской традиционной культуре // Тело в русской культуре. М., 2005. С. 119—130.

Цивьян 2005 — *Цивьян Т. В.* Отношение к «себе» и к «своему телу» в русской модели мира // Тело в русской культуре. М., 2005. С. 38—58.

Щепанская 1996 — *Щепанская Т. Б.* Сокровенное материнство // Секс и эротика в русской традиционной культуре. М., 1996. С. 395—443.

Summary: Many examples show that the full nudity out of a ritual context is, according to Russian traditional culture, very dangerous for a corresponding person and even to the community, especially if the naked person has bared himself while being in certain «transitional» status (recruit, widow, fiancée) or situation (sleep, war). Nudity had a mythologically motivated negative semantics; its sexual attractiveness was accepted as fact but was not however articulated in traditional Russian rites and cultural instructions.

Key words: Traditional cultural codes, taboos, prescriptions, nudity, body, ritual behavior.